

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 800.2

**АНАЛИТИЧЕСКОЕ ВЫРАЖЕНИЕ
ОПТАТИВА В ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКЕ
(на материале перевода «Беседовника»
в «Великих Минеях Четъих»)**

Т. Дайбер

Аннотация

В статье приводятся аргументы в пользу того, что в рамках схематического представления четырех типовых наклонений (индикатив, оптатив, императив и конъюнктив) каждое из них ассоциировано с определенной модальностью (эпистемическая, деонтическая, аксиологическая и логическая) и связано либо с дуративными, либо с недуративными глагольными основами. Поскольку желательное наклонение связано с дуративным (не-актуальным, иначе говоря, потенциальным) глагольным значением, *да*-конструкции, выражающие желательное значение, выделяются в сигнификативном плане с помощью дуративных глагольных единиц. Указанная гипотеза проверяется на примере *да*-конструкций в первой книге «Диалогов» Папы Римского Григория, которые вошли в «Великие Минеи Четъи» Макария. Выводы относительно синтаксических вариаций *да*-конструкций согласуются с результатами исследований более древних текстов, в то время как квалификация примеров как оптативных конструкций может зависеть от того, принимается ли во внимание более ранняя индоевропейская оппозиция дуративных и недуративных глагольных единиц.

Ключевые слова: наклонение, модальность, оптатив, дуратив, *да*-конструкции, значение актуальности/неактуальности, церковнославянский язык.

1. Постановка вопроса. Выражение желательности связывается в индоевропейских языках с системой глагольного спряжения, с синтаксическими, а также с лексическими средствами выражения модальности. В церковнославянском языке эквивалент греческому оптативному наклонению трудно обнаружить, поскольку греческий оптатив в эпоху *koiné* уже надо оценивать как “a verbal form which had virtually disappeared from the spoken language” («глагольную форму, которая виртуально исчезла из разговорного языка») [1, p. 77]. Греческий оптатив уже отсутствовал в живом употреблении во время создания древнецерковнославянских переводов, сохраняясь еще в определенной мере только в греческом литературном языке. Такая же ситуация характеризует и древнеславянский язык, где с самого начала различия между условным и желательным наклонениями на морфологическом уровне практически не были выражены. В древнерусском

языке оба наклонения уже не различаются. Для выражения желательности стала употребляться конструкция с частицей *да*, которая возникла в церковнославянском языке, например, *Да вижу, где есть!* в смысле 'Мне хочется видеть, где лежит Агриков меч' [2, с. 212]; *Да везете мя, где есть девица* 'Пусть меня везут туда, где девица живет' [2, с. 215]. В морфологическом плане оба наклонения совпадали: «Морфологически условное наклонение выражается так же, как желательное; это свидетельствует об их родстве и об общем их происхождении; они могли бы быть объединены в представлении об ирреальном наклонении» [3, с. 484]. Наблюдение Шахматова в связи с морфологическими данными не вызывает возражений, сомнения вызывает функционально-семантическая характеристика: действительно ли условное и желательное наклонения соединяются в концепте *ирреальность*¹, а не в концепте *не-актуальность*. Говоря о модальной системе глагола, мы предпочтем понятие «не-актуальность».

Употребление сослагательного наклонения означает, что мы говорим о ситуациях, которые могут существовать в определенных, но отсутствующих в момент речи обстоятельствах. Поскольку возможность реализации той или иной ситуации связана с определенными обстоятельствами, сослагательное наклонение употребляется прежде всего в условных конструкциях и выражает, таким образом, логическую модальность, ибо говорит безотносительно к временному существованию какого-нибудь объекта о последствиях его возможного существования. В отличие от сослагательного наклонения желательное говорит о каком-либо действии, выполнение которого желательно по причинам, лежащим в самом его существе. Поэтому желательное наклонение выражает деонтическую модальность. Повелительное наклонение, наоборот, выражает субъективное желание того, чтобы какое-нибудь действие произошло, то есть выражает аксиологическую модальность. Наконец, изъявительное наклонение говорит о субъективном восприятии существующих действий, то есть выражает эпистемическую модальность.

Относительно понятия «актуальность»² следует отметить, что действия, названные формами повелительного, желательного и даже сослагательного наклонений, не являются «актуальными» во временном смысле: в первых двух случаях действия могут быть реализованы только в будущем, в случае же сослагательного наклонения действие реализуется только в рамках не осуществившихся

¹ «Реальность» – не очень удачное понятие. Характеризуя семантику глагольных времен и наклонений, Шахматов подразумевает под реальностью «временное существование» (то, что при каких-нибудь обстоятельствах существует или не существует). При таком взгляде будущее время тоже говорит о «нереальных» действиях. Понятие будущего как нереального времени является спорным [4, р. 162–164].

² П. Портнер [5] предложил назвать различие между наклонениями “factive/non-factive”; предпочту такому противопоставлению оппозицию «актуальность/неактуальность» из-за близости к принадлежащей индоевропейской системе оппозиции «дуративность/недуративность». О.Ф. Жолобов характеризует «нулевое окончание» древнерусских глаголов (3 л. футурума или презенса без *-m*), характерное прежде всего для первых трех классов глагола (по Лескину), как архаический остаток индоевропейского инфьюнктива, который, в противоположность индикативу, выражает «потенциальное событие» [6, с. 208]. Жолобов отмечает тесную связь между наклонением и модальностью и фиксирует ее в терминологии; в разговоре со мной он использовал также понятие «актуальность». Я в пользу оппозиции «актуальность/неактуальность» в связи с модальностью добавил бы, что понятие «актуальность» является более нейтральным в сравнении с понятием «потенциальность», которая, в моем понимании, подразумевает принципиальную возможность существования какого-нибудь объекта или действия. Кроме того, противоположностью «потенциального инфьюнктива» был бы «не-потенциальный индикатив», что является не очень удачным терминологическим решением.

обстоятельств¹. Но «актуальность» не значит «временное присутствие». «Актуальность» – не временное понятие, но семантический знак тех наклонений, которые обозначают то, что при существующих обстоятельствах какое-нибудь действие может реализоваться. В этом причина того, почему не следует соединять, в соответствии с идеей А.А. Шахматова, в концепте *ирреальность* желательное и повелительное наклонения. А.А. Шахматов понимает *ирреальность* только как факт того, что объект желания или побуждения еще не существует в настоящее время (иначе не было бы смысла желать или побуждать). Различие наклонений, напротив, состоит в том, что повелительное наклонение достигнет своей цели только при уже осуществившихся обстоятельствах (иначе не было бы смысла что-либо приказывать), а желательное наклонение не связано с осуществлением подобных обстоятельств. Иными словами, связь наклонения с модальностью выявляется не при соотнесении с логическими временными структурами, а при оценке их иллюкутивной силы.

Различение четырех модальностей применительно к их актуальности напоминает выводы Й. ван дер Ауверы и В.А. Плуногяна [9], которые, изучая лингвистическую типологию, выделили четыре основные модальности на базе двух критериев: во-первых, «возможность» (“possibility”) или «необходимость» (“necessity”) действия, а во-вторых, вопрос о том, связывается ли причина «возможности» или «необходимости» с какой-нибудь мотивацией внутри говорящего субъекта (“participant-internal modality”) или лежит в самом объекте речи (“participant-external modality”).

Наконец, различение четырех модальностей связано с вопросом о типичных отношениях между модальностью и глагольным видом. Существует предположение, что несовершенный глагольный вид прежде всего выступает вместе с деонтической модальностью: “What aspect and modality have in common is the fact that both perfective aspect and dynamic modality are bounded by someone or something and hence marked in some respect, while imperfective aspect and deontic modality are unmarked and unbounded in every aspect” («Вид и модальность объединяет тот факт, что и совершенный вид, и динамическая модальность ограничены кем-нибудь или чем-нибудь и поэтому в определенном отношении маркированы, тогда как несовершенный вид и деонтическая модальность не маркированы и не ограничены во всех отношениях») [10, p. 324]. Можно согласиться с тем, что деонтическая модальность часто совпадает со значением не-временно-определенных (не-актуальных) действий и, следовательно, с употреблением несовершенного глагольного вида. Применительно к эпохе, когда аорист и имперфект еще употреблялись в церковнославянском и древнерусском языках, невозможно говорить о глагольном виде в сегодняшнем его понимании. Относительно праславянского языка правильнее вести речь только о противопоставленности дуративных и недуративных глагольных основ. Это вторая причина того, почему я, говоря о ситуации в церковнославянском языке, в котором глагольный вид только развивается, предпочту, обращаясь к категории наклонения, опираться на понятие актуальности/неактуальности какого-либо действия.

¹ Существует предположение о происхождении субъюнктивного и условного наклонений в индоевропейском языке из выражения будущего времени [7]. Сегодня русское условное наклонение может указывать одновременно и на будущее, и на прошедшее время [8, S. 521].

Табл. 1

	Возможность (possibility)	Необходимость (necessity)	Актуальность/ не-актуальность действия
Субъективные причины (participant- internal modality)	<ul style="list-style-type: none"> • изъявительное наклонение • эпистемическая модальность • дуративная парадигма 	<ul style="list-style-type: none"> • повелительное наклонение • аксиологическая модальность • недуративная (аористная) парадигма 	актуальность действия
Объективные причины (participant- external modality)	<ul style="list-style-type: none"> • оптативное наклонение • деонтическая модальность • дуративная парадигма 	<ul style="list-style-type: none"> • сослагательное наклонение • логическая модальность • недуративная (аористная) парадигма 	не-актуальность или регулярность действия (generic meaning)

Все вышесказанное может быть обобщенно представлено в табл. 1, в которой понятия не вполне совпадают с их смыслом в упомянутой статье (см. [10]), поскольку Аувера и Плуноян не прямо связывают их с рассматриваемыми наклонениями. Следует также иметь в виду, что данная схема не направлена на описание ситуации в современных славянских языках и даже не связана напрямую с описанием ситуации в церковнославянском языке, но представляет собой понятийную базу гипотезы о типичности корреляции между восприятием возможности или необходимости какого-либо действия и восприятием причины его возможности или необходимости в праславянском языке, где различие между дуративной и аористной парадигмами осознавалось¹.

Схема, конечно, условна, поскольку уже в праславянском языке дуративные и недуративные парадигмы дополнялись различными формами времени, что привело к появлению, например, новых аористных форм в дуративной парадигме (см. [11, S. 163]), однако может служить исходным пунктом исследования. Мы не можем найти в церковнославянских текстах особое оптативное наклонение, поскольку уже в праславянский период повелительное наклонение вполне совпадало с оптативным наклонением [11, S. 191]. Другими словами, с самого начала для выражения оптативности/желательности в церковнославянских текстах обнаруживаются только аналитические конструкции, обычно с частицей *да*, которая сама по себе является продолжением индоевропейского оптатива 'дай' (Ф, с. 480). Но даже аналитические конструкции могут сохранять дуративность первоначального оптатива.

Для выражения желательности² в древнецерковнославянском языке употреблялись дуративные формы глагола *быти* со значением будущего времени

¹ См.: "Aspect rather than temporal distance constitutes the central semantic dimension in the Vedic past tense system" («Скорее вид, чем временная дистанция составляет центральное семантическое измерение в системе прошедших времен санскрита») [12, p. 268].

² В моей работе [13] славянские формы сослагательного наклонения сравниваются с соответствующими греческими формами в переводе «Беседовника» с точки зрения выражения категории вежливости.

(*бимь, би, би...*) [11, S. 234]. Желательное действие – это будущее действие. Предложения типа *да би прѣидь* можно понимать как ‘что он будет проходить’. Дуративная парадигма глагола *быти* и то же значение будущего времени хорошо видны в Маринском кодексе (Лука 15:29): *да съ друуги моии възвеселиа сѧ бимь* ‘(что) буду веселиться с друзьями моими’.

Такой аналитический оптатив очень рано совпал с сослагательным наклонением после утраты различия между дуративным *бимь* и аористом *быхъ*. Замещение аористных форм дуративной основы глагола *быти* (*быхъ, би, би...*) формами самой аористной, то есть недуративной, основы глагола *быти* (*быхъ, бы, бы...*) стало возможным, когда обе формы на первом этапе развития глагольного вида приобрели общее значение комплексивной дуративности [11, S. 196]. Архаических форм от дуративной основы *би-* древнерусский язык уже не знает [14, с. 350], вместо них употребляются исключительно аористные формы глагола *быти* (*быхъ, бы, бы...*).

Короткий обзор развития оптативного и сослагательного наклонений, конечно, не касается прагматических, вторичных употреблений сослагательного наклонения для выражения вежливости. Выражение вежливости означает, что говорящий обращается к собеседнику так, как если бы исполнение его желания зависело от неизвестных ему, определяемых волей другого человека причин, и поэтому употребляет «метафорическое» сослагательное наклонение (в роли повелительного – ‘*Вы не смогли бы...*’ – или желательного: ‘*пообедали бы*’)¹. Такое употребление сослагательного наклонения со значением вежливости крайне редко фиксируется в старом языке (см. [13]).

Вышеупомянутая схема соответствия оптативного (желательного) и сослагательного наклонений дает возможность сформулировать следующую гипотезу. Несмотря на потери собственного морфологического наклонения оптатива в церковнославянском языке, аналитические конструкции сохраняют семантику дуративности и отличаются, таким образом, от придаточных предложений цели, выражающих недуративность.

2. Метод. В основе исследования лежит церковнославянский перевод первой книги (ВМЧ 1997, 105а–120а) «Беседовника» («Диалоги» св. Григория Великого, славянское название «Беседовник», или «Патерик Римский»), который (в принципе, но не всегда) следует не латинскому оригиналу, но греческому переводу VIII века. Задача состоит в идентификации всех конструкций с частицей *да* и их классификации.

70 раз в тексте первой книги «Беседовника» встречаются конструкции с частицей *да*. Конструкции можно различать в соответствии с их формой и коллокациями (см. табл. 2). Формы конструкций разделяются на три группы: частица *да* с формой сослагательного наклонения соответствующего глагола; частица *да* с формой изъявительного наклонения соответствующего глагола и частица *да* с инфинитивом. В группе конструкций «*да* + изъявительное наклонение» можно выделить примеры с простым *да, да еже* и *яко да*.

¹ Г. Бех говорит о «волеоптативном типе» сослагательного наклонения, который, с его точки зрения, чаще встречается в русском, чем в чешском языке [15, S. 117].

Табл. 2

да + сослагательное наклонение	да бы 7 яко да бы 2
да + изъявительное наклонение	да 44 яко да 14 да еже 2
да + инфинитив	1

2.1. да + сослагательное наклонение. Все девять конструкций с сослагательным наклонением можно понимать как придаточные предложения со значением цели. Привожу несколько примеров:

(1) 108b 39	молаше да бы его ко екоун"тію игоуменоу дове(л) . якв да сего моленіемъ, в' свои монастырь ¹	petiit ab eo ut eum Equitio abbati committeret, ac sanandum monasterio illius commendaret. (PL 168 ²) ἐδυσώπει ἵνα αὐτὸν... προσαγάγη... εἰσδέξῃται (PL 167)
(2) 108c 1	и раба бжїа екунтїа молаше. якв да бы его къ своеи дружинѣ прїаль	et Equitium Dei famulum rogavit, ut eumdem monachum in congregationem susciperet (PL 168) καὶ τὸν τοῦ θεοῦ δοῦλον Ἐκῦτιον παρεκάλει, ὅπως τοῦτον ... ὑποδέξῃται (PL 167)
(3) 119a 38	мола(а)шеса. да бы со т"щаніемъ к томоу пришель	rogavit ut ad se quantocius veniret (PL 212) ἐδυσώπει, ἵνα μετὰ σπουδῆς πρὸς αὐτὸν παραγένῃται (PL 211)
(4) 135d 32	искупоу(а) да бы мвгль избѣжати w(т) м(оу)ченїа ранъ	professus est, ut dum hoc a torquente creditur, suspensa interim crudelitate ad vitam horae repararetur (PL 190) ³

Хотя в первом примере говорится о просьбе (молаше), из конструкции ясно, что результат (цель) просьбы является центром высказывания. Именно поэтому в славянском переводе необходимо было повторить форму *довель*, чтобы было полным и второе придаточное предложение. Надо читать: *молаше да бы его довель к игумену и яко да (его) въ свой монастырь довель*. Конструкция «да бы + л-причастие» соответствует форме греческого глагола *προσαγάγη* ('нести', аорист сослагательного наклонения).

Во втором и третьем примерах также говорится о просьбе, и в обоих случаях славянским конструкциям соответствует греческий глагол *ὑποδέξῃται* 'принимать' или *παραγένῃται* 'приблизиться' (оба в форме аориста сослагательного наклонения). Обе конструкции указывают на желательный результат действия

¹ Цифры соответствуют столбцам в ВМЧ 11 марта (см. ВМЧ 1997); не воспроизводятся лигатуры, знаки препинания и сокращения, надстрочные буквы ставятся в скобках.

² Цифра означает номер страницы в издании J.-P. Migne (см. PL).

³ В связи с отсутствием листа 190 в источнике PL латинский текст цитируется по источнику S.P. Benedictus. Monachorum omnium occidentalium. Caput et hospitor. Prolegomena (Ex libro II Dialogorum S. Gregori Magni excerpta). См.: [http://www.documentacatholicaomnia.eu/02m/0480-0547,_Benedictus_Nursinus,_Vita_Operaque_\[Ex_Libro_Dialogorum_Sancti_Gregorii_Magni_Excerpta\],_MLT.pdf](http://www.documentacatholicaomnia.eu/02m/0480-0547,_Benedictus_Nursinus,_Vita_Operaque_[Ex_Libro_Dialogorum_Sancti_Gregorii_Magni_Excerpta],_MLT.pdf)

(его цель) и поэтому должны быть квалифицированы как придаточные предложения цели.

В четвертом примере полного соответствия славянского перевода греческому переводу, как и латинскому оригиналу, нет, однако заметно, что смысл предложения прежде всего указывает на цель, а не на желание. Другими словами, все четыре примера (и все остальные в первой книге «Беседовника» в ВМЧ) можно понимать как придаточные предложения цели, а возможный оптативный смысл воспринимается только как вторичный, поскольку каждая цель, к которой кто-то стремится, неизбежно является в то же время желательной.

2.2. *da* + изъявительное наклонение. Большинство употреблений частицы *da* связано с формами изъявительного наклонения. Привожу любопытные примеры.

(5) 106a 1	вба(ч) обычли естъ праваго житѣа да старѣшинѣ ктѣ противитса , емоуже повиноул"са естъ	Usus quidem rectae conversationis est, ut praeesse non audeat, qui subesse non didicerit (PL 156) Ὅμως ἔθος τῆς ὀρθῆς ἀναστροφῆς ὑπάρχει, ἵνα προΐστασθαι τις μὴ τολμήσῃ, ὅς τις ὑποτάσσεσθαι οὐ μεμάθηκε (PL 155)
(6) 111b 25	вънегда(ж) в сицевѣмъ чюдеси ск(а)за. ужа(се) ми са мысль проче(е). якъже пв смирен"нѣмъ его да скажеш и ми	Postquam facti illius tale miraculum dixisti, superest etiam ut me de humilitate mentis eius aedifices ¹
(7) 114a 36	повелѣ. да никомоу(ж) чюда сего пввѣсть	Tunc terribiliter presbytero praecepit ne quousque ipse in corpore viveret, hoc miraculum cuiquam indicaret (PL 192) ὥσθε εἰ ἐδέησε τὸν ἐπίσκοπον ὀλίγον βραδύναι τοῦ εἰσελθεῖν, τὴν γῆν τῆν ἀποθήκης πᾶσαν ἐπὶ τοῦ ὑπερεκχεομένου οἴνου σκεπασθῆναι (PL 191)

В первом примере (предложение 5) употребляется частица *da* с глаголом совершенного вида, что соответствует форме греческого глагола μεμάθηκε 'учиться' (перфект действительного залога), но тождество смыслов славянского и греческого переводов и латинского текста неочевидно. Любопытно, что и перфект, совершенное время, можно комбинировать с частицей *da* для выражения оптативного значения. Здесь явно говорится о чем-то, что может происходить регулярно. Неактуальность, регулярность желательного действия выражает деонтическая модальность этой конструкции. Пример показывает, что перфект в церковнославянском языке еще сохраняет значение «настоящего прошедшего времени», то есть обозначает результат как дуративное состояние.

Второй пример (6) для частицы *da* в комбинации с изъявительным наклонением выражает оптативное значение.

¹ Из-за дефекта электронного издания PL латинский текст здесь приводится по электронной версии университета г. Лёвен, Бельгия; см.: http://agora.class.fltr.ucl.ac.be/concordances/gregoire_dialogues_01/, свободный.

Третий пример (7) любопытен тем, что славянский переводчик не использовал аористный инфинитив, как в греческом переводе (σκέλασθηναί ‘покрыть’), а использовал сочетание *да* с формой 3 лица единственного числа настоящего времени, словно бы следуя латинскому тексту. Это – редкий пример замены греческой конструкции. Инфинитивная конструкция греческого текста является придаточным предложением цели; славянский перевод воспроизводит латинское сослагательное наклонение и выражает не цель действия, а желание его осуществления.

2.3. *да* + инфинитив представлено только одним примером, что отражает церковнославянский канон, в котором такие конструкции редки.

(8)	иже ч(с)тномоу семоу моужю.	qui magnis precibus ab eodem venerabili
114с 21	мнѡго моленіе принесе. да ли- тоур"гїю совер"шающю ему. блжн"наго мчнка пра(з)никъ. бл(с)веніе на вдрѣ его в дому по- дати	viro postulavit ut cum apud beatum martyrem missarum solemniter ageret, ad benedictionem dandam in suam domum declinaret (PL 192)

Трудно сказать, можно ли воспринимать конструкцию «принесе, да ... подати» с неясным синтаксическим строем как оптатив, или следует считать ее придаточным предложением следствия или цели. Вообще, как отмечает Р. Вечерка [16, S. 235], придаточные предложения следствия или цели развивались из первичных оптативных предложений, с которыми их роднит наличие частицы *да*; редкие фиксации конструкции «*да* + инфинитив» классифицируются как придаточные предложения следствия или цели, но в нашем примере говорится о просьбе, поэтому нельзя исключать, что мы имеем дело с редким вариантом аналитического оптатива.

3. Итоги. Приведенные примеры, согласуясь с данными более ранних исследований (например, [17, S. 54]), показали явное преобладание конструкции «*да* + изъявительное наклонение». Проанализированный материал также продемонстрировал то, что надежная интерпретация данного типа предложений в оптативном смысле прежде всего возможна в случае конструкции «*да* + изъявительное наклонение». К этой же группе можно отнести конструкцию «*да* + перфект», поскольку перфект также выражает дуративный результат действия или дуративное состояние. Анализ текстовых данных согласуется с изложенной в начале статьи теорией, в соответствии с которой деонтическая модальность связана с дуративным значением *и*, следовательно, с дуративной парадигмой. С другой стороны, было установлено, что конструкции «*да бы* + л-причастие» прежде всего можно понимать как придаточные предложения со значением цели. Таким образом, нельзя вести речь о том, что условное и желательное значения выражаются одним и тем же средством – формами сослагательного наклонения. Если бы это было так, трудно было бы объяснить, почему конструкции с частицей *да* явно преобладают над конструкциями с сочетанием *да бы* в данном тексте.

В славянской филологии хорошо известно семантическое распределение конструкций с частицей *да*. Часто, однако, отмечается сложность разграничения целевой и оптативной семантики (см., например, [17, S. 30]). Наша интерпретация приведенных примеров основывалась на теоретической связи между наклонением и модальностью при опоре исключительно на различие дуративной или недуративной семантики глагола. Таким образом, нам представляется, что конструкция «да + изъявительное наклонение» является ранней парафразической переработкой древнего оптативного употребления, а не простым придаточным предложением цели. Прежние исследования, которые основывались на теоретической связи между модальностью и глагольным видом (который, как известно, во время создания «Беседовника» только развивается), имеют тенденцию приписывать оптативный смысл прежде всего конструкциям «да + сослагательное наклонение» [17, S. 55]. Это противоречие в рамках статьи нельзя разрешить полностью, однако надеемся на то, что приведенные наблюдения будут способствовать появлению более обширных исследований в области исторической прагматики глагольной системы.

Summary

Th. Daiber. Analytic Expression of the Optative in Church Slavonic (Based on the Translation of Pope Gregory's "Dialogues" in Makary's "Great Menology").

The Russian redaction of Church Slavonic shows secondary periphrastic constructions with the particle *да* to express the optative meaning. Since constructions with *да* may also mark a dependent clause, the distinction between the optative meaning of the dependent clause and the meaning of purpose is mainly left to context. The paper states that within a schematic display of four typical moods (indicative, optative, imperative, and conjunctive) each is associated with a certain modality (epistemic, deontic, axiological, and logical) and connected with either durative or non-durative verb stems. Since the optative mood is connected with the durative ("non-actual", others speak of "non-factive" or "potential") verb meaning, it is expected that *да*-constructions expressing the optative meaning will significantly distinguish themselves by the use of durative verb elements. The hypothesis is tested on *да*-constructions in the first book of Pope Gregory's "Dialogues" extended in Makary's "Great Menology".

Key words: mood, modality, optative, durative, *да*-constructions, actual/non-actual meaning, Church Slavonic.

Источники

- ВМЧ 1997 – Die Großen Lesemenäen des Metropoliten Makarij, Uspenskij spisok. – Freiburg im Breisgau: Weiher, 1997. – Bd. 1. 1–11 März. – 688 S.
- PL – Gregorius Magnus 1849: Dialogorum Libri IV De Vita Et Miraculis Patrum Italicorum. V. 76, liber I, III, IV. – URL: http://www.documentacatholicaomnia.eu/04z/z_0590-0604__SS_Gregorius_I_Magnus_Dialogorum_Libri_IV_De_Vita_Et_Miraculis_Patrum_Italicorum__MLT.pdf.html, свободный.
- Ф – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. – М.: Прогресс, 1986–1987. – Т. 1. – 576 с.

Литература

1. *O'Sullivan N.* "It would be the time to discuss the optatives". Understanding the Syntax of the Optative from Protagoras to Planudes // *Antichthon*. – 2011. – No 45. – P. 77–112.
2. Повесть о Петре и Февронии / Подгот. текстов и исслед. Р.П. Дмитриевой. – Л.: Наука, 1979. – 348 с.
3. *Шахматов А.А.* Синтаксис русского языка. – Л.: Учпедгиз, 1941. – 620 с.
4. *Waring A.G.* The Modality of the Future Tense in Russian // *Slav. East. Eur. Rev.* – 1980. – V. 58, No 2. – P. 161–181.
5. *Portner P.* The Semantics of Mood, Complementation, and Conversational Force // *Nat. Lang. Semant.* – 1997. – V. 5, No 2. – P. 167–212.
6. *Жолобов О.Ф.* О рефлексах инъюнктива в древнерусских книжных источниках // *Рус. язык в научном освещении*. – 2012. – № 1 (23). – С. 194–231.
7. *Hahn E.A.* Subjunctive and optative. Their origin as futures. – N. Y.: American Philol. Ass., 1953. – XVIII, 157 p.
8. *Chrakovskij V.S.* The Conjunctive (Conditional) // *Die slavischen Sprachen* / Ed. by S. Kempgen, P. Kosta, T. Berger, K. Gutschmidt. – Berlin; N. Y.: De Gruyter, 2009. – S. 520–525.
9. *Auwers J. v. d., Plungian V.A.* Modality's semantic map // *Linguistic Typology*. – 1998. – V. 2, No. 1. – P. 79–124.
10. *Divjak D.* Corpus-based evidence for an idiosyncratic aspect-modality relation in Russian // *Quantitative Methods in Cognitive Semantics: Corpus-Driven Approaches* / Ed. by D. Glynn, K. Fischer. – Berlin; N. Y.: De Gruyter, 2010. – P. 305–330.
11. *Aitzetmüller R.* Altbulgarische Grammatik als Einführung in die slavische Sprachwissenschaft. – Freiburg im Breisgau: Weiher, 1991. – X, 291 S.
12. *Dahl E.* Tense and Aspect in Indo-Iranian. Part 1: The Present and Aorist // *Language and Linguistics Compass*. – 2009. – V. 5, No. 5. – P. 265–281.
13. *Daiber Th.* Цсл. сослагательное наклонение и «негативная вежливость» (на материале «Патерика Римского» в ВМЧ) // *Язык и стиль литературных и нелитературных текстов*. – Łódź, 2012. – S. 7–20.
14. *Иванов В.В.* Историческая грамматика русского языка. – М.: Просвещение, 1990. – 400 с.
15. *Bech G.* Zur Syntax des tschechischen Konjunktivs mit einem Anhang über den russischen Konjunktiv. – Kopenhagen: Nordisk Sprog-og Kulturforlag, 1951. – 131 p.
16. *Večerka R.* Altbulgarische (altkirchenslavische) Syntax: 5 Bd. – Freiburg im Breisgau: Weiher, 1989–2003. – Bd. 4. – 449 S.
17. *Bräuer H.* Untersuchungen zum Konjunktiv im Altkirchenslavischen und im Altrussischen. – Wiesbaden: Harrassowitz, 1957. – XV, 262 S.

Поступила в редакцию
16.04.12

Дайбер Томас (Daiber Thomas) – доктор наук, профессор Института славистики Гиссенского университета им. Юстуса Либиха, Германия.
E-mail: thomas.daiber@slavistik.uni-giessen.de